

К 75-летию Валентина Григорьевича Распутина

“ИЗБЕГАЙТЕ ВЫСОКИХ СЛОВ ДЛЯ ИЗОБРАЖЕНИЯ НАШЕЙ ГРЕШНОЙ ЖИЗНИ...”

**Письма Валентина Распутина
начинающим литераторам**

В России писатели всегда пестовали молодых авторов. Считалось долгом опытного литератора — выслушать молодого собрата, прочитать его рукопись, дать профессиональный совет, творческую консультацию. Так с помощью мастеров мужали все таланты.

Этому доброму правилу придерживались и писатели Иркутска. Стоит заглянуть в архивные папки областного отделения творческого союза — и вы найдете там доброжелательные письма Алексея Зверева, Иннокентия Луговского, Елены Жилкиной, Марка Сергеева. Все они искренно, тепло, но и строго, и требовательно разбирали первые рукописи начинающих литераторов.

В год юбилея двух наших земляков — корифеев русской литературы Валентина Распутина и Александра Вампилова я поинтересовался их письмами, хранящимися в областном архиве. Оказалось, что в шестидесятых — начале семидесятых годов прошлого века оба активно участвовали в той работе писателей, о которой идёт речь.

Правда, писем Александра Вампилова сохранилось только два*. А вот многочисленных отзывов Валентина Распутина о сочинениях начинающих прозаиков пока не касалась рука исследователя. Между тем в них — этих письмах тогда еще совсем молодого писателя к своим братьям по творчеству — уже видны и понимание сложности жизни, человеческой души, и необходимость точного, выверенного и согревающего слова, и ответственность за него. А еще в этих письмах — забота о каждом пробивающемся таланте, дружеское участие в его судьбе, задушевность творческого разговора. То есть все то, что отличает Валентина Распутина, выдающегося человека и мастера слова.

Андрей Румянцев

---

* Они будут опубликованы в журнале к юбилею А. Вампилова.

“ЛУЧШЕ ВСЕГО У ВАС НАПИСАНА ПОВЕСТЬ...”

Уважаемая тов. Уланова!

Отвечаю на присланный Вами рассказ “Недописанная страница”.

Рассказ, я считаю, недостаточно продуман с самого начала, отсюда и идут его беды. Он нечеток, расплывчат, расплывчаты его герои, расплывчата в нем авторская позиция.

Давайте разберемся в этом подробнее.

В общем-то нетрудно понять, о чем Вы хотели написать рассказ. По-видимому, он о нашей жизни вообще и о семейной жизни — на примере одной семьи — в частности, о человеческом счастье.

Тридцатилетняя женщина отправила письмо в домовый комитет, в котором на что-то жалуется. На что, понять трудно; даже общественник домового комитета, от лица которого ведется повествование, не разобрал. По-видимому, на мужа, поскольку при встрече речь идет и о нем, на свое прозябание в семье — об этом тоже кое-что говорится, даже не говорится, а только упоминается. Именно упоминается, потому что сказать что-либо внятное о своем положении женщина не может. Она говорит настолько неопределенно и отвлеченно, что это раздражает и общественника домового комитета, и меня как читателя. Право же, плохо верится в женщину, написавшую жалобу в домовую комитет, которая затем, при проверке этой жалобы, читает стишки и вздыхает следующим образом: “— Запахи талого снега и утренней росы... Птичье щебетанье в голубом рассвете... Березка в белом инее... А еще: музыка, театр, грустный восторг Левитана... Можно жить без этого?”

Неужели, чтобы сказать это, необходимо было приглашать постороннего, чужого человека? И ладно бы, когда эти вздохи происходили от скуки, от нечего делать — нет, женщина работает, у нее ребенок, т. е. она занята с утра до вечера. Откуда тогда они? Едва ли можно подозревать в героине неудовлетворенные эстетические запросы, поскольку, во-первых, ее неопределенных томлений для этого явно маловато, а, во-вторых, для удовлетворения столь высоких желаний не пишут письма в домовую комитет.

Можно бы предположить, конечно, что в рассказе как раз и выводится такая вот пустая мечтательница, невесть о чем томящаяся и невесть чего хотящая женщина. Поначалу такое впечатление складывается, но нет — затем автор решительно становится на ее сторону, находит в ней нераскрытые глубины, которые надо только раскрыть, чтобы женщина ожила и расцвела на благо всех нас. В старину говорили: не то счастье, о чем во сне бредишь, а то, на чем сидишь да едешь. Эта поговорка как нельзя лучше подходит, по моему, к героине Вашего рассказа.

Повторяю, рассказ нечеток, он не сделан даже в авторском замысле. А писать Вы, конечно, можете, язык у Вас чистый. Только избегайте красивостей и высоких, не в меру высоких слов для изображения нашей грешной жизни. Это все равно что на работу выходить со знаменами.

С искренним уважением В. Распутин

Уважаемый тов. Грешнов!

Рассказ — я имею в виду “Сибирские звезды” — написан, в основном, чисто, те небольшие шероховатости в языке, которые я подчеркивал, в общем-то легко исправимы. Жаль только, что Вы, поддавшись газетной моде,

поездку в Сибирь двух молодых людей на постоянное местожительство, расцениваете как проявление романтики, жажду экзотики. Ох, уж эти романтика да экзотика! Сколько вреда принесли они Сибири и всей нашей стране, когда тысячи людей едут в дальние суровые края в поисках чего-то необыкновенного, душещипательного, и, не найдя его, бросаются обратно. У Вас подобная ситуация повторилась, хотя я не думаю, что рассказ Вы писали именно об этом. Сложнее тут другое. Взяв за основу рассказа классический “треугольник”, Вы почему-то прибегли к самому облегченному пути его решения – легче, пожалуй, и не бывает. Тамара не знает, что Володя любит Аню, Володя не знает, что Тамара пишет письма отцу и просится обратно в Ленинград, собираясь оставить мужа в Сибири, в школе никто ничего не знает о тайнах Володи и Тамары. И только секретарь райкома партии совершенно необъяснимыми путями узнает о связи учителя и фельдшерицы из дальнего села и вызывает Володю для разговора (почему, кстати, это должен делать секретарь райкома?) – в это время Тамара, воспользовавшись отсутствием мужа, сбегает в Ленинград. Простите, но получилась некая странная для рассказа игра в прятки вместо сложного и открытого (хотя бы для автора) решения той извечной и всегда важной проблемы, которая встала перед героями рассказа.

Вопросы только поставлены, да и то очень робко, а ответов на них нет совсем – впечатление такое, что Вы их сознательно избегали, но от этого работа Ваша стала просто пересказом одной случайной и довольно мелкой истории.

С уважением В. Распутин

Уважаемый Анатолий Макарович!

Ваши “Три дня на постоялом дворе” решено дать в третьем номере альманаха “Ангара” (май-июнь). К сожалению, мы так и не дождались от Вас хотя бы маленькой справки о Хайларе и Маньчжурии теперешних (помните, я просил Вас?). Пришлось делать небольшое вступление к “Трем дням...” самим. Оно очень небольшое, и ошибок в нем произойти не может. А очерк пока идет в полном виде, если, конечно, не считать редакторской правки.

Что касается последних рукописей – их, как видите, приходится возвращать обратно. У рассказа “До финиша близко” явное несоответствие между первой половиной и второй – он начат широко, эпически, подробно, фундамент подготовлен для большого здания, а закончен быстро и поспешно, психологическая достоверность материала нарушается, появляются сомнения именно в этом повороте темы, именно в этом исходе. Вы и сами признаетесь, что начинали писать роман, затем решили перевести его в рассказ, и это, конечно, не могло не сказаться.

“Чудная поездка” могла бы пойти среди других, подобных же материалов, где она стояла бы вполне на месте, лучше всего в книжке о Трехречье (хорошая и нужная, кстати, была бы книжка). Но, согласитесь, опубликовать ее отдельно, причем на материале чуть ли не стороннем, требующем специального и немаленького разъяснения, покажется несколько странным и непонятным.

Мне показалось, что лучше всего у Вас написана повесть “Кровная месть”. Может быть, иногда слишком подробно и обстоятельно, что делает отдельные места чуть скучноватыми (особенно в сценах, когда русские охотники выбирают из тайги), но в общем все равно добротно. Но это все так или иначе наш, сибирский материал, или очень близкий нашему, подобные вещи у нас уже были. Вот почему повесть не произвела на членов редколлегии особого впечатления.

И последнее. Было бы очень хорошо, Анатолий Макарович, если бы Вы сделали для нас большой очерк о русском Трехречье – не этнографический, нет, а скорее, социальный – о жизни русских в стороне от России, об их отношении к ней, о связях между собой, о внутреннем управлении, об отношении к японцам, китайцам, к своим старым авторитетам (к Семенову, например) и т. д., и т. п. Хорошо, если будут фамилии, конкретные люди. Насколько возможно, будьте откровенней и свободней в нем – я думаю, что мы сумеем напечатать весь Ваш материал.

С искренним уважением к Вам В. Распутин

Уважаемый Михаил Яковлевич!

Все присланное Вами в альманах носит, на мой взгляд, случайный характер. Две юморески — “Мудрый заяц” и “Охотничьи были” — принадлежат к тем анекдотическим устным рассказам, которые давно уже кочуют от одного охотничьего костра к другому. В более или менее похожем виде слышал их и я. В Вашем изложении, перенесенном на бумагу, они потеряли непосредственность, тот слегка грубоватый и все же милый юмор, который дополняется мимикой, голосом, жестами, и не вызывают теперь ни смеха, ни улыбки. Особо “Охотничьи были”.

Попытка на серьезную, уже далекую от анекдотов прозу сделана в рассказе “Тысяча извинений”. К сожалению, эта попытка так и осталась попыткой. Рассказ, мне кажется, не состоялся. Нельзя на нескольких страничках раскрыть всю глубину той темы, за которую Вы взялись, и нельзя так легко, с ходу, в двух-трех фразах показать нравственное убожество одного человека и нравственное богатство другого. Слишком это серьезно. Каждый поступок и каждый характер в литературе нуждаются в доказательстве, и в не меньшем, чем какое-либо положение в математике или физике — только здесь в художественном доказательстве. Посмотрите, как встречает у Вас Раечка своего дядю, человека, который заменил ей в жизни родителей и на деньги которого она существует, который души в ней не чаёт и мечтает о встрече с ней, как о самом большом и радостном событии:

“— А, дядюшка, здравствуйте! — поприветствовала она. — Что же вы не предупредили, даже телеграммы не подали? — В голосе ее теперь ясно слышались нотки досады.

— Да хотел экспромтом, как снег на голову.

— Вот уж действительно, как снег на голову...”

И сразу же выпроваживает его:

“— Ах, дорогой дядюшка, мне, право, неудобно. Тысяча извинений! Но приходите к нам как-нибудь в другой раз. Сейчас мы вас принять не можем. Еще раз тысячу извинений!”

Даже самый черствый и неблагодарный человек, обязанный в гораздо меньшей степени другому человеку, чем Ваша Рая, скроет, замаскирует свою неблагодарность и не станет выказывать ее в столь категорической, прямо-таки враждебной форме. Тут у Вас большой психологический провал.

Сказка “Танкага-Басутук” выдержана в тоне северных сказок — на первый взгляд, наивных, но по-своему мудрых, неторопливых, степенных. Из четырех Ваших вещей она, пожалуй, интересней всего остального, но, к сожалению, она остается в гордом экзотическом одиночестве. Если у Вас есть еще что-нибудь похожее, пожалуйста, присылайте.

С уважением В. Распутин

Уважаемый тов. Тютрин!

У итальянского писателя Альберто Моравиа есть одноименный с Вашим рассказом роман, в котором показывается, насколько это сложная и серьезная штука — презрение. У Вашего героя это чувство слишком скороспешно и однозначно, и не потому, что оно ошибочно, как раз нет, а потому, что оно должно быть само собой разумеющимся, естественным. Если Андрей нормальный, порядочный человек, то его презрение (это, пожалуй, даже слишком сказано; обыкновенное отвращение) к этой девице является нормальной защитной реакцией уважающего себя человека.

Едва ли стоило писать рассказ, чтобы сказать, что зрячий видит свет.

Видимо, у Вас это первый опыт в литературе. Пока он неудачен. Но уже сейчас надо искать в человеке более сложные чувства, а в жизни — более сложные проблемы.

С уважением В. Распутин

Уважаемый Илья Иванович!

С искренним сожалением возвращаем Вам рукопись “Истории одной любви”. Пожалуй, она все-таки несколько конспективна — я говорю о той поспешности, с какой следуют в ней друг за другом описываемые события без их

психологического и художественного обоснования. Отсюда и сомнения в некоторых фактах: как Петрикина, например, достаточно хорошо скрывшая свое прошлое, а в замужестве с профессором старающаяся скрыть его еще более, чтобы быть совсем спокойной, могла решиться на столь жестокое и выдающее ее с головой преступление? Уж очень неосторожно, грубо она действует. И как профессор без любви столько времени поддерживал эту связь, для чего? Я не утверждаю, что этого не могло быть в жизни, как раз жизненная достоверность подобных страстей не вызывает сомнений, но в литературе это обязательно нужно доказывать очень подробно, описывать человеческие чувства, а не только предполагать их. Случай действительно жестокий, страшный и поучительный, но подан он схематично, голо и оттого читается без интереса.

Не обижайтесь, пожалуйста, на эти откровенные замечания и присылайте нам что-нибудь новенькое.

С искренним уважением В. Распутин

Уважаемый тов. Шинкарев!

Ваша рукопись "О чем говорят могилы" вызвала во мне двойственные чувства. С одной стороны – банальная история, из тех, которые бывают часто и о которых уже знаешь-перезнаешь и слышал-переслышал; с другой стороны – эта банальная история рассказана интересно, вдумчиво и волнующе, хотя и с некоторыми претензиями на детективные сверхинтерес и сверхволнение, особенно в начале рукописи. С одной стороны (я продолжаю говорить о двойственности своих чувств) – хорошие, порой даже прекрасные картины Байкала и природы; с другой – неправдашние, какие-то театральные отношения между героями и конечная сентиментальность всей вещи в целом. Автор – поэт и мудрец, когда он остается один, он зорок, наблюдателен, психологичен, умеет понять движения человеческой души. Но как только ему приходится остаться со своими героями с глазу на глаз, то есть когда идут непосредственные их отношения друг с другом, связанные прямой речью, это совсем иной человек, который кажется неопытным и наивным, знакомым с жизнью только по книжкам. Я понимаю, что не прав в последнем своем предположении, и все-таки впечатление такое остается – впечатление, что эту вещь писали два разных человека.

Вы пишете, что эта история, когда Вы ее рассказываете в аудиториях, производит на слушателей большое впечатление. В этом не приходится сомневаться, как не приходится сомневаться в ее подлинности. Девушка – славная, умная, добрая – любит парня, он тоже относится к ней далеко не равнодушно, даже ревнует к другому парню, и все-таки не хочет, не может (и Вы на этом настаиваете – не может!) связать с ней свою судьбу, потому что по-прежнему и чуть ли не навеки любит другую – уже умершую. История как будто знакомая, но она всякий раз должна быть новой, поскольку случается с новыми людьми, у которых свои чувства и свое отношение к жизни, и поскольку передает ее новый человек. Все мы часто повторяем, что двух одинаковых людей, как, впрочем, и двух одинаковых людей и двух одинаковых страданий не бывает. В Вашем изложении эта история получилась, на мой взгляд, волнующей и... старой или почти старой. Почему? Да потому, что упор в ней Вы сделали на самой истории, на самой трагедии, а не на людях. Прежде всего – она, потом – они. Они приложены к ней, а не она к ним. Вы рассказываете ее с надрывом, стараетесь разжалобить слушателя и читателя ее трагедийностью, и это Вам, надо признать, удается. И все-таки это не долгое волнение, это не боль, потому что мы не узнали и не полюбили людей, с которыми она происходит. Они просто люди, взятые наугад из тысяч и тысяч других, а не характеры. Вот почему я говорю, что герои у Вас неправдашние, не живые – при всей подлинности истории, в которую веришь от начала и до конца.

Ясно, что литературные способности у Вас есть. И, мне кажется, не стоит считать неудачей эту работу, хоть напечатать в таком виде ее мы и не сможем. Будем ждать от Вас новых работ.

С уважением В. Распутин.